

Ларрей Жак-Доминик

Пожар Москвы

Едва мы овладели городом и успели прекратить пожары, устроенные русскими в лучших кварталах города, как пожары эти возобновились с новой силой по двум главным причинам. Первая причина — поджоги со стороны некоторых русских, среди которых, говорят, были и прежние арестанты, так как с уходом русской армии двери тюрем были открыты. Эти несчастные, исполняя, может быть, приказания свыше, а может быть и самовольно, но во всяком случае с целью грабежа, на глазах у всех бросались от одного дома к другому и поджигали их. Французские патрули, хотя и многочисленные и частые, не могли их удержать. Многих из них я видел взятыми на месте преступления с зажженными факелами или горючими материалами в руках. Смертная казнь, произведенная над некоторыми, не произвела на других никакого впечатления, и пожар продолжался три дня и три ночи. Без перерыва *). Тщетно наши солдаты рубили дома, чтобы остановить огонь — последний перескакивал через пустыри, и в одну минуту изолированный дом загорался. Вторая причина, благоприятствующая пожарам, — сильные ветры, дувшие по случаю равноденствия. Они раздували огонь, который и распространялся с необычайной силой.

Трудно представить себе картину ужаснее той, какая была у нас перед глазами. Особенно зловеща была ночь с 18-го по 19 сентября, когда пожар достиг высшей степени своего напряжения. Погода стояла хорошая и сухая; ветер дул, не переставая, с востока на север и с севера на восток. В эту ночь, страшный образ которой навсегда сохранился в моей памяти, весь город был охвачен пламенем. Со всех сторон до самого неба, покрывая весь горизонт, вздымались огромные разноцветные столбы огня, распространяя на далекое пространство

яркое зарево. Эти огненные снопы, разбрасываемые во все стороны и увлекаемые сильным ветром с зловещим свистом, быстро поднимались вверх, сопровождаясь взрывами воспламенившегося пороха, селитры, смолы, масла или водки, запасы которых имелись почти во всех домах и лавках. Крашеное кровельное железо внезапно, под влиянием сильного жара, вздувалось и отскакивало в стороны. Большие куски горящих сосновых бревен и балок отскакивали так далеко, что загорались дома, по-видимому, вполне безопасные по своей отдаленности. Всех охватил страх, ужас. Гвардия, главная квартира и император покинули Кремль и город и перешли в Петровский дворец, расположенный по Петербургской дороге. Я с многими товарищами остался в уединенном каменном доме, стоявшем во французском квартале недалеко от Кремля. Оттуда было удобно наблюдать этот ужасный пожар. Обозы свои мы направили в лагерь, сами были постоянно настороже. Оставшееся в Москве простонародье с жалобными стонами перекочевывало из дома в дом. Многие, желая спасти последнее имущество, нагружались такими узлами, которые едва были в силах нести и которые часто им все-таки приходилось бросать, спасаясь от огня. Женщины по чувству природного человеколюбия несли на плечах по одному или по двое детей, таща остальных за руку. Чтобы избежать грозившей им со всех сторон смерти, они, подобрав юбки, бежали по закоулкам улиц и площадей отыскивать себе убежище, из которого их снова выгонял пожар, и тогда они разбегались во все стороны и часто оказывались не в силах выбраться из этого лабиринта, ставшего для многих из них могилой. Я видел стариков с опаленными бородами, которых их собственные дети спешили вывезти на тележках из этого ада. Наши солдаты, мучимые голодом и жаждой, пренебрегали опасностями, лишь бы извлечь из подвалов и горящих домов съестные припасы и другие предметы первой необходимости. Они бегали вперемежку с потерявшими голову горожанами и тащили все, что только могли вырвать у страшного огня. Наконец, 8—10 дней спустя весь обширный и прекрасный город был превращен в пепел. Уцелели только Кремль и дворцы, некоторые богатые дома и каменные церкви.

Армию это страшное бедствие повергло в большое уныние, оно предвещало нам большие несчастья. Возможно было, что у нас не будет ни съестных припасов, ни материалов, чтобы одеть войско. Какую еще худшую картину могло нам нарисовать наше воображение?

Между тем по окончании пожаров главная квартира снова вернулась в Кремль, а гвардия заняла уцелевшие дома французского квартала, и каждый отдался своим обязанностям. Скоро удалось разыскать склады муки, мяса, соленой рыбы, масла, водки, вин и ликеров. Небольшое количество припасов раздали солдатам, а большую часть хотели сберечь, сложив в магазины, и эта излишняя предусмотрительность, которая иногда бывает одной отговоркой, впоследствии заставила сжечь или побросать в складах все эти запасы, которые бы оченьгодились и которых

хватило бы на прокормление армии, если бы даже она осталась в Москве, более
6-ти месяцев.

Особенно это касается материй и мехов, из которых надлежало бы поскорее сшить теплые одежды, чтобы защитить солдат от будущих морозов. И солдаты, со своей стороны, никогда не думающие о будущем, были далеки от мысли в своих интересах выказать предусмотрительность, они думали только, как бы добыть вина, ликеров, золотые и серебряные вещи, пренебрегая всем остальным. Изобилие, к которому привели неустанные розыски, повредило дисциплине армии и здоровью неумеренных людей. Эта причина сама по себе должна была ускорить наше отступление в Польшу. Москва стала для нашего войска второй Капуей.

Ларрей